

СТУДЕНЧЕСКИЕ КРУЖКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ В РОССИИ В 1890–1900-Е ГГ.)

Н.Ю. СУХОВА

*Православный
Свято-Тихоновский
гуманитарный
университет
(г. Москва)*

e-mail: suhova_n@mail.ru

Статья посвящена малоисследованному явлению в истории российского высшего образования – организации и деятельности научных и практических студенческих кружков и обществ в конце XIX – начале XX в. Исследование проводится на примере высшей духовной школы, то есть, четырех духовных академий – Санкт-Петербургской, Московской, Киевской, Казанской – и базируется на обширном комплексе источников разного жанра. Автор приходит к выводу, что учреждение кружков и обществ было закономерным явлением в жизни высшей духовной школы конца XIX – начала XX в., а активное участие в этом движении студентов и части преподавателей свидетельствовало об их желании ввести новые формы, активизирующие студентов в интеллектуальном отношении или целенаправленно готовящие их к будущему церковному служению. Другим аспектом этого явления была попытка преподавателей и церковной власти ввести стихийное возбуждение студентов в правильное русло, возглавляемое преподавателями и контролируемое церковной властью. Исследование особенно полезно на настоящем этапе развития высшей школы в России, когда идет творческий поиск новых форм, методов, жанров.

Ключевые слова: российское высшее образование, студенты, православные духовные академии, студенческие кружки и общества.

Настоящая статья посвящена одному из интересных явлений в истории российского высшего образования – организации и деятельности студенческих кружков и обществ в конце XIX – начале XX в. Исследование проводится на примере высшей духовной школы, то есть, четырех духовных академий – Санкт-Петербургской, Московской, Киевской, Казанской¹. Речь идет не о политических, а о научных и церковно-практических кружках. В течение полутора десятилетий (с середины 1890-х до 1910 г.) во всех четырех академиях было учреждено более пятнадцати кружков и обществ разной направленности. Желание студентов по собственной инициативе расширить круг своих занятий, наложить на себя лишние обязанности и ответственность вызывает удивление, ибо духовные академии осуществляли один из самых трудоемких процессов высшего образования, и перегруженность преподавательских и студенческих корпораций духовных академий к концу XIX в. была «притчей во языцех». В связи с этим встает ряд вопросов, требующих специального исследования. Какие проблемы ее участники пытались решить таким путем, какие интересы удовлетворить? Было ли это явление связано с внутренним учебным процессом или вызвано какими-то церковными или общественными причинами, внешними по отношению к духовной школе? Какие формы студенческой самостоятельности оказались наиболее приемлемыми для высшей духовной школы? Решили ли кружковые занятия те задачи, которые перед ними ставили их инициаторы? Наконец, как относились к этим занятиям представители церковной власти, епархиальные архиереи, было ли единство в отношении к этому явлению в преподавательской среде? Изучение этих вопросов помогает не только получить более точное представление о состоянии высшей

¹ Далее в тексте духовные академии обозначаются принятыми аббревиатурами: СПбДА, МДА, КДА, КазДА.

школы и студенчества России в определенный исторический период, но и глубже понять характерные особенности их духовно-академической составляющей.

«Кружковой» порыв 1890-1900-х гг. был, как казалось, совершенно новым явлением для высшей духовной школы, доселе редко отходившей от данных высшей властью уставных положений. Однако история духовных академий имела два подобных прецедента задолго до исследуемого периода. Первый опыт принадлежал студентам МДА, незадолго до этого преобразованной по новому Уставу². Организованный ими в 1816 г. кружок «Ученые беседы» действовал недолго: – до окончания академии первых членов кружка. Но их деятельность – обсуждение рефератов, составленных по богословским вопросам, волнующим студентов, – стала примером проявления самостоятельного творчества юношества, призванного к постижению самых высоких истин человеческого знания.

Вторым примером внеучебной деятельности подобного рода, уже при действии следующего Устава духовных академий 1869 г., было общество студентов СПбДА. В Уставе 1869 г. оговаривалось право академий «учреждать ученые общества», к деятельности которых могли привлекаться студенты³. Ректор СПбДА протоиерей Иоанн Янышев попытался устроить в СПбДА такое общество: по субботам вечером желающие студенты и преподаватели собирались в аудитории и читали рефераты, «кто о чем хотел»⁴. Рефераты посвящались актуальным вопросам научного богословия и церковной жизни.

Эти прецеденты были особыми случаями, обусловленными энтузиазмом конкретных личностей, и не создали традиции. Кружковая деятельность 1890-1900-х гг., хотя так же опиралась на инициативу отдельных лиц, представляла собой не особые случаи, а некоторое явление – об этом свидетельствует одновременное возникновение кружков и обществ во всех четырех академиях. Поэтому для определения причин этого явления необходимо проанализировать ситуацию внутри и вне академий.

Одной из характерных черт жизни высшей школы России в 1880-1890-е гг. были нестроения в студенческой среде. Процесс расцерковления, неповиновения, беспорядков в начале 1880-х гг. охватил студенческую среду российских университетов и институтов⁵. Студенты высших учебных заведений включались в начальную стадию революционного движения, пополняли ряды террористических организаций. Отчасти эта волна захлестнула и духовные академии, несмотря на их еще сохраняющуюся, хотя и ослабленную к этому времени, обособленность.

Попытки духовно-учебного начальства наладить дисциплину, а также меры, предпринятые новым обер-прокурором К.П. Победоносцевым (1880-1905), вызвали обратную реакцию. В конце 1883 – начале 1884 г. по академиям прокатилась волна нестроений⁶. В КДА один из студентов был арестован за хранение революционных сочинений и бомбы, предоставление ночлега членам террористической фракции, в марте 1884 г. студентами этой академии была организована демонстрация, неспо-

² Голубинский Ф.А., прот. История общества, составившагося под названием «Ученых бесед» в Московской Духовной Академии 1816 года марта дня // У Троицы в Академии. 1814-1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 1-9.

³ Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 30 мая 1869 г. § 170-171.

⁴ Бронзов А.А. Протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев. СПб., 1911. С. 69-70.

⁵ Юхнева Н.В. Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 г. // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 1. Л., 1962. С. 129-139; Жуйкова Р.Г. Революционное студенческое движение в Петербурге в 80-х гг. XIX в. (1881-1887 гг.). Автореферат дис. ... к.и.н. Л., 1965; Она же. Революционные студенческие кружки Санкт-Петербургского университета 80-х годов XIX века // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 2. Л., 1968. С. 41-51; Из истории революционного движения учащихся в России в 80-х годах XIX в. / Публ. А.Н. Катренко // Советские архивы. 1983. № 6. С. 31-35; Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России, последняя четверть XIX в. / АН СССР. Ин-т истории СССР. М., 1987.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 451. Л. 305; Там же. Ед. хр. 452. Л. 420-421; Там же. Ф. 684. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2; ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 1117. Л. 23-23 об.

койная обстановка была в МДА⁷. Состав студентов духовных академий попытались усовершенствовать количественно и качественно: более строго стали подходить к выбору семинаристов, посылаемых в академии, ректорам академий было указано входить в конфиденциальные сношения с семинарским начальством для выяснения благонадежности волонтеров⁸. Церковным руководством принимались меры, направленные на ограждение духовных академий от внешнего влияния, но они не имели заметного успеха. Со второй половины 1880-х гг. часть студентов духовных академий стала активнее реагировать на нарастающие нестроения в обществе, волнения следовали за университетскими, хотя в менее сильной форме. Приходилось принимать радикальные меры. В августе 1888 г. дела об исключении студентов из академий и увольнении по прошениям были переданы из Советов, в состав которых входили все профессора академий, в Правления⁹. Эта мера повышала личную ответственность руководства академий, но отстраняла большую часть преподавателей, причем не только молодых, но и опытных, от влияния на судьбу нарушителей и возмутителей спокойствия. Скоро стало ясно, что отстранение преподавателей от воспитания студентов действует губительно, ибо наказания и усиление инспекторского надзора побуждали студентов искать связей с современной жизнью и осмыслять возникавшие проблемы, и в этом их никто не мог скорректировать.

С конца 1880-х гг. обвинение в недостатках воспитания студентов духовных академий было перенесено на всех членов корпораций: занимаясь наукой, они не думают о том, чем живут студенты, не имеют на них нравственного влияния¹⁰. Несоответствие настроений студентов духу церковной школы и занятиям богословской наукой волновало и профессорско-преподавательские корпорации, но они видели выход в сближении со студентами на почве интересов науки и усилении научного и нравственного влияния на студентов. Эти соображения побуждали некоторых преподавателей поддерживать организацию студенческих кружков и обществ – научных, а не общественно-политических. Эта учебно-воспитательная инициатива преподавателей была одной из причин организации студенческих кружков и обществ, но не единственной.

Второй причиной было изменение учебного плана академий, проведенное реформой 1884 г.: отмена в академиях учебных практических занятий (семинаров), введенных предыдущей реформой 1869 г. для выпускного курса. Творческие силы студентов и желание обсуждать изучаемые вопросы искали выхода, и «кружковая» деятельность должна была восполнить пробел, возникший на месте отмененных занятий. Это желание поддерживали многие преподаватели академий, ибо без самостоятельного чтения и анализа источников, обсуждения проблемных вопросов – не в кулуарах, а в аудитории, под руководством преподавателя-специалиста, – был невозможен плодотворный учебный процесс и занятия наукой¹¹. Когда стало ясно, что официального централизованного введения практических занятий не последует, некоторые члены корпораций духовных академий решили воспользоваться разрешением действующего Устава учреждать ученые общества¹².

⁷ Студент 3 курса КДА К. Дашкевич; была выявлена его связь с киевской организацией «Народной воли». См.: ЦГИАУ. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 1592. Л. 1-8; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Ед. хр. 191. Л. 4-7.

⁸ Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 158-167.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 3031. Л. 1-11; Там же. Ед. хр. 3032. Л. 1-3 об.; РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1888 г. Ед. хр. 9. Л. 1-4; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Ед. хр. 191. Л. 1-3 об.; Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования Александра III. СПб., 1901. С. 563-564.

¹⁰ Письмо К.П. Победоносцева к архиепископу Амвросию (Ключареву) (август 1892 г.) // ОР РГБ. Ф. 230. П. 9804. Ед. хр. 10. Л. 6-6 об.

¹¹ Сухова Н.Ю. Несостоявшаяся духовно-учебная реформа 1890-х годов // Сборник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История: История Русской Православной Церкви. Вып. 3 (20). М., 2006. С. 7-26.

¹² Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 20 апреля 1884 г. § 163-164. // 3 ПСЗ. Т. IV. № 2160.

Третьей причиной «кружкового» явления была попытка студентов академий приобщиться к будущему служению – церковно-практической деятельности. В Уставе духовных академий, введенном в 1884 г., был поставлен акцент на подготовке студентов духовных академий к церковно-практическому служению, но формы этой подготовки указаны не были. С середины 1890-х гг. преподаватели пытались искать эти формы, привлекая студентов к реальной церковно-просветительской, церковно-социальной и миссионерской деятельности в форме кружков и обществ. И эти попытки нашли горячий отклик в студенческой среде.

Наконец, была и четвертая причина возникновения внеплановых студенческих занятий: повышение церковно-общественной активности в конце XIX – начале XX в. Студенты не были ограждены от этого процесса непроницаемой стеной, особенно после того, как в духовных академиях были разрешены студенческие библиотеки. Священники должны были знать умонастроения общества, духовные искания, новые веяния в литературе, будоражащие умы. Однако вопрос о степени участия в этих процессах тех, кто только готовится к пастырству, не имел единого ответа в профессорско-преподавательских корпорациях. Если часть преподавателей считала, что будущие священники и богословы должны были не только знать все эти проблемы, но и учиться вырабатывать решения в трудных ситуациях, их оппоненты настаивали на ограждении студентов от влияния расцерковленного общества¹³.

Организуемые в конце 1890 – начале 1900-х гг. студенческие кружки и общества имели разное направление, отличались по форме и уровню. Можно выделить два направления в этом процессе.

Первое направление составляли кружки и общества учебно-научного характера. Они учреждались с целью актуализации знаний, получаемых студентами в академиях, но степень привязанности к учебному процессу была различной. Если инициаторами-учредителями выступали преподаватели, то занятия кружка или общества были тесно связаны с лекционными курсами, хотя не введены в строгие учебные рамки: на них читали и обсуждали источники или интересные и спорные научные исследования. За пример были взяты подобные занятия на теологических и философских факультетах немецких университетов, с которыми преподаватели академий знакомились в своих зарубежных командировках. Наиболее значимыми были подобные занятия по экспериментальной психологии под руководством и.д. доцента В.С. Серебrenникова в СПбДА и по философии под руководством профессора П.В. Тихомирова в МДА. И.д. доцента В.С. Серебrenников в 1894-1898 гг. проводил с желающими студентами занятия по психологии. Он взял за образец семинар Вильгельма Вундта в институте психологии при Лейпцигском университете, в работе которого сам В.С. Серебrenников участвовал в 1892-1893 гг. во время стажировки в Германии¹⁴. С 1904 г. попытался вести регулярные занятия по философии МДА П.В. Тихомиров. Он же сформулировал обоснование такого порыва: «Сознание пользы этого дела [практических занятий – С.Н.] и наблюдение тех завидных результатов, какие оно дает у немецких профессоров, преисполнило меня желанием и решительностью завести и при своей кафедре такое же чтение и обсуждение философских отрывков»¹⁵.

Если инициатива исходила от студентов, а преподаватели лишь соглашались на их просьбу о руководстве кружком или обществом, формы и тематика были более вольными. Самой распространенной формой было составление и обсуждение рефератов по злободневным вопросам богословия и наук, соприкосновенных с богословием (психология, философия, литература), а также по проблемам церковной и общест-

¹³ Антоний (Храповицкий), еп. В защиту наших академий // Православный собеседник. 1896. № 11. С. 16, 39; О специализации духовных академий // Вера и разум. 1897. Т. 1. Ч. 1. С. 432; Светлов П.Я., священник. Образованное общество и современное богословие // Богословский вестник. 1901. № 11. С. 524; Введенский А.И. Запросы времени // Богословский вестник. 1903. № 10. С. 243.

¹⁴ Журналы заседаний Совета СПбДА за 1893-1894 уч. г. СПб., 1894. С. 113-128.

¹⁵ Журналы заседаний Совета МДА за 1904 г. Сергиев Посад, 1904. С. 349.

венной жизни. По таким принципам были организованы: в 1897 г. – студенческий философский кружок в КазДА (под руководством профессора метафизики В.И. Несмелова и профессора логики и психологии А.Н. Потехина); в 1898 г. – гомилетический кружок в КДА (под руководством и.д. доцента священника Н.Ф. Гроссу); в 1899 г. – философское общество в МДА (под руководством и.д. доцента психологии П.П. Соколова и и.д. доцента по кафедре истории философии П.В. Тихомирова); в 1900 г. – студенческий психологический кружок в СПбДА (под руководством профессора психологии В.С. Серебrenникова); в 1901 г. – студенческое литературное общество в той же академии (под руководством доцента русского и церковно-славянского языков Д.И. Абрамовича); в 1903 г. – богословско-философский и Златоустовский кружки в КДА; в 1907 г. – литературный кружок в МДА (под руководством и.д. доцента русского и церковно-славянского языков Н.Л. Туницкого). В состав каждого кружка входило от 40 до 150 человек (с членами-соревнователями), хотя действительных участников, делающих доклады, было существенно меньше – от 15 до 40¹⁶. При разработке уставов использовались правила подобных студенческих учреждений при германских и французских университетах, а также опыт первого студенческого кружка «Ученые беседы».

Деятельность кружков и обществ стала очень ярким явлением в студенческой жизни, привлекавшим лучшие интеллектуальные силы академий. «Кружковая» деятельность вырабатывала в студентах качества, необходимые для научной работы: аналитическое чтение научных трактатов, в том числе, иностранных авторов, критический разбор спорных идей, корректная полемика, оперативная реакция на формулируемые теории и положения. Некоторые общества, ощутив недостаток специальной литературы, ходатайствовали перед начальством академий о расширении фондов академических фундаментальных библиотек, иногда – о создании специальной библиотеки общества, с правом выписывать зарубежную периодику и новейшие исследования западных и отечественных ученых¹⁷. Была заметна определенная динамика в развитии самих кружков и обществ: так, участники Психологического общества СПбДА с удовлетворением констатировали в начале третьего года своей деятельности, что «из психологического семинариума оно обращается в ученое философско-психологическое общество»¹⁸. Дерзновение студентов не столь высоко оценивалось преподавателями – вкладов в науку от деятельности студенческих обществ не ждали, – но отработка элементов научной работы, как и сама научная устремленность, были чрезвычайно важны для духовно-академического процесса. Определенным вкладом в культурное развитие студентов были литературные и музыкальные вечера, организуемые самими студентами и дозволяемые начальством¹⁹.

В конце 1880-х гг. появилась другая форма внеучебной деятельности студентов – участие в церковно-практической жизни: проповедь, просветительская дея-

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 367; Там же. Ф. 802. Оп. 16. Ед. хр. 190. Л. 2-6, 7-8, 61-64; Арсенин (Стадницкий), мигр. Дневник за 1897 г. // ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Ед. хр. 511. Л. 66-67, 69 об., 70, 72; Из академической жизни // Богословский вестник. 1900. Т. I. № 2. С. 338-345; Отчет о деятельности студенческого философско-психологического кружка за 1899-1900 и 1900-1901 уч. г. // Там же. 1902. Т. I. № 2. С. 411-430; Отчет о деятельности студенческого философско-психологического кружка за 1901-1902 уч. г. // Там же. 1903. Т. II. № 6. С. 322-327; О деятельности студенческого психологического общества в СПбДА // ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 3460. Л. 1-3; Материалы, относящиеся к деятельности студенческого психологического общества // ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 970. Л. 1-3; Студенческое психологическое общество при Санкт-Петербургской духовной академии // Церковный вестник. 1903. № 14. С. 440-442; А.А. Студенческое психологическое общество // Христианское чтение. 1903. Ч. II. № 5. С. 811-815; Отчет о состоянии СПбДА за 1902 г. (в извлечении). СПб., 1903. С. 520-521; Отчет о состоянии КДА за 1909-1910 уч. г. Киев, 1910. С. 37-38, 74-75.

¹⁷ Отчет о состоянии СПбДА за 1902 год (в извлечении). СПб., 1903. С. 521; А.А. Студенческое Психологическое общество // Христианское чтение. 1903. Ч. II. № 5. С. 812.

¹⁸ Христианское чтение. 1903. Ч. II. № 5. С. 814.

¹⁹ Программы литературных и музыкальных вечеров в СПбДА в 1896-1905 гг. // ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 966. Л. 1-11; Там же. Ед. хр. 967. Л. 1-7. Записки ректора МДА епископа Арсения (Стадницкого) о музыкально-литературных вечерах в академии // ГАРФ. Ф. 550. Ед. хр. 511. Л. 51-52 об., 71 об.

тельность, катехизация, миссия, собеседования со старообрядцами и т.д. Первые опыты участия студентов во внебогослужебных собеседованиях были проведены в СПбДА в 1888 г., после беспорядков 1887 г., по инициативе ректора академии епископа Антония (Вадковского). В МДА в 1892 г. по инициативе ректора архимандрита Антония (Храповицкого) был создан кружок религиозно-нравственного просвещения. Но это были отдельные опыты, со второй половины 1890-х гг. процесс начал развиваться активнее. В 1898 г. по инициативе ректора епископа Арсения (Стадницкого) и с благословения митрополита Владимира (Богоявленского) была возобновлена студенческая просветительская деятельность в МДА: собеседования с народом после воскресных и праздничных богослужений в храме академии, народные чтения религиозно-нравственного содержания со студенческим пением духовных и патриотических песен, церковно-исторические и литературно-нравоучительные чтения для детей. СПбДА, КДА и КазДА поддержали пример. Студенты участвовали в церковной практике достаточно активно: так, например, в СПбДА в 1898-1899 гг. в рядах проповедников было 90 студентов, при 176 в составе всех четырех курсов, в 1904 г. – около 100. В других академиях число проповедников было меньше – около 20 в каждой, но проповедники работали активно, произнося до 10 проповедей в год. В народных чтениях принимало участие значительное число студентов: например, в МДА – до 74. С интересом относилась к студенческому проповедничеству и беседам и аудитория: так в храме МДА на внебогослужебных беседах бывало до 1 200 человек, что для Сергиева Посада было немалым числом. Поприще студенческой церковно-просветительской деятельности расширялось, при этом администрация некоторых заводов, фабрик и мануфактур, стремясь отвлечь рабочих от порочного проведения досуга, сама приглашала студентов. Уровень проповедей студентов у многих преподавателей вызывал неудовлетворенность, и для того, чтобы молодые проповедники учились на лучших образцах, в 1895-1896 гг. студенты СПбДА начали особое издание («Народная Академия») для публикации проповедей современных и древних церковных писателей. С 1897 г. студенты всех академий проповедовали не только в храмах духовных академий, но и в городских, вели регулярные внебогослужебные собеседования в школах и столовых при заводах, фабриках, в ночлежных домах, преподавали в воскресных школах. При МДА активно действовала с 1899 г. детская церковно-приходская школа, в которой преподавали выпускники МДА и студенты старших курсов, а законоучителями были студенты в священном сане. С 1900 г. по инициативе ректора епископа Арсения (Стадницкого) была открыта и воскресная школа для взрослых²⁰.

Таким образом, организация и деятельность студенческих научных кружков и обществ свидетельствовали о желании и способности студентов обсуждать богословские и философские вопросы, работать дополнительно с источниками и литературой. Но оценка «кружкового» процесса не была однозначной. Критические замечания в адрес студенческих кружков и обществ высказывались представителями высшей церковной власти и некоторые архиереи, ибо обсуждение в студенческой среде злободневных тем, а также «ухода» от собственно научно-богословских занятий неизбежно приведет к потере не только рабочего настроения, но и интереса к созерцательному богословию. Деятельность церковно-практических кружков подразумевала активное участие студентов в городской жизни, что вовлекало их в опасные контакты, рассеивало внимание и учебный настрой. Митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) в 1900-1903 гг. благословлял деятельность студенческих обществ в СПбДА, но в 1905 г., в изменившейся ситуации, счел это вредным²¹.

²⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Ед. хр. 190. Л. 9-60 об.; ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 3457. Л. 1-2 об.; Отчет обер-прокурора за 1899 год. СПб., 1902. С. 181; То же за 1903 и 1904 годы. СПб., 1909. С. 208-211; Рункевич С.Г. Студенты-проповедники. СПб., 1892; Евдоким, еп. Доброе прошлое Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 1915. С. 31-44.

²¹ Отчет о состоянии СПбДА за 1902 год (в извлечении). СПб., 1903. С. 521.

Завершением этой краткой эпохи студенческих кружков послужили архиерейская ревизия всех четырех духовных академий 1908 г. и последующие ей разработка и введение нового Устава²². В официальных отзывах преосвященных ревизоров были краткие замечания: «Академическое начальство должно сохранять за собою общее наблюдение за кружками... Кружки, несоответствующие по своему характеру задачам школы, не должны быть разрешаемы»²³. Но в дальнейшем один из ревизоров – архиепископ Димитрий (Ковальницкий) высказался о деятельности кружков более резко: «...под вывеской науки, не собрания научные, а партийные кружковые собрания, свою безобразную шумиху направляющие к освобождению от доброго авторитетного влияния академий»²⁴.

Одним из вопросов, активно обсуждавшихся при составлении проекта нового Устава духовных академий, было введение в высшей духовной школе регулярных практических занятий (семинаров)²⁵. Одним из аргументов в защиту этого было горячее желание студентов и многих преподавателей академий работать в таких семинарах, проявившееся в кружковой деятельности. Но было очевидно, что для серьезной и плодотворной постановки эти занятия требовали введения в рамки учебного процесса и более четкой ориентации на главную цель академий – систематическое богословское познание.

Новый Устав духовных академий, утвержденный в 1910 г., вводил в учебные планы духовных академий практические занятия по большей части богословских и гуманитарных предметов²⁶. На них студенты под руководством преподавателей должны были изучать источники и учебные пособия, делать «разбор важнейших сочинений из литературы предмета», знакомиться с «учебниками и учебными пособиями к преподаванию известных наук в семинарии». Предполагался и разбор семейных сочинений студентов, с обсуждением и комментариями преподавателя. Введение практических занятий было шагом вперед в развитии высшей духовной школы, отчасти это было и ответом на «кружковую» порыв 1890-1900-х гг., но всех проблем оно не решило. Организация занятий по правилам Устава 1910-1911 гг. критиковалась самими преподавателями, ибо результативность снижалась двумя серьезными недостатками: у каждого студента было слишком много практических занятий, а на практических занятиях – слишком много студентов. Студенты перегружены и не могли плодотворно готовиться к занятиям, работать же с источниками или устраивать активное обсуждение научных проблем со всем курсом из 70-100 человек было практически невозможно. Это приводило к тому, что интерес студента к тому или иному предмету не мог быть полноценно реализован, специфические методы исследования в той или иной области богословия на таких занятиях не могли быть изучаемы. Но после введения практических занятий поощрять «кружковое» явление уже никто из преподавателей не решался, даже если считал официальную систему неудачной и сожалел об окончании «харизматического» периода. Ошибки Устава 1910-1911 гг. в организации учебных практических занятий попытались учесть при составлении проекта нового Устава духовных академий в 1917-1918 гг., но этому проекту не суждено было реализоваться.

Таким образом, учреждение кружков и обществ было закономерным явлением в жизни высшей духовной школы конца XIX – начала XX в. С одной стороны, ак-

²² Ревизию, согласно решению Святейшего Синода, проводили: в СПбДА и МДА – архиепископ Херсонский и Одесский Димитрий (Ковальницкий), в КДА – архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), в КазДА – архиепископ Псковский и Порховский Арсений (Стадницкий) (РГИА. Ф. 797. Оп. 78 (отд. 1, ст. 2). Ед. хр. 49. Л. 1, 4, 19, 32.

²³ Журналы заседаний Совета МДА за 1909 г. Сергиев Посад, 1910. С. 224-225.

²⁴ Журналы учрежденной при Святейшем Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава духовных академий. СПб., 1909. С. 200.

²⁵ Там же. С. 195-210.

²⁶ Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 2 апреля 1910 г. § 156. // 3 ПСЗ. Т. XXX. № 33274.

тивное участие в этом движении студентов и части профессорско-преподавательского состава свидетельствовало об их неудовлетворенности существующими формами учебной деятельности и желании ввести новые формы, развивающие студентов в интеллектуальном отношении или целенаправленно готовящие их к будущему церковному служению. С другой стороны, представители церковной власти и большая часть преподавателей относились настороженно к стихийному общественному возбуждению студентов в конце XIX – начале XX в. и видели единственный выход во введении этого возбуждения в правильное русло, возглавляемое преподавателями академий и контролируемое церковной властью. Если первая черта была особенностью высшей духовной школы, обусловленной ее историческим путем, то вторая была характерна для всей высшей школы России той эпохи.

Несмотря на свою непродолжительность и незначительные успехи на фоне многолетней истории высшей духовной школы, «кружковой» порыв дал интересный опыт самостоятельности студентов высшей школы, актуализации получаемых знания в той или иной форме. Этот опыт представляется весьма полезным на настоящем этапе развития высшей школы в России, когда идет творческий поиск новых форм, методов, жанров, когда перед преподавательскими и студенческими корпорациями стоит насущная задача стать современными учебно-научными и экспертно-практическими центрами.

STUDENTS' CIRCLES AT HIGHER SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF ORTHODOX ECCLESIASTICAL ACADEMIES IN RUSSIA IN 1890–1900S)

N.Yu. SUKHOVA

*Saint-Tikhon's Orthodox
Humanitarian University
(Moscow)*

e-mail: suhova_n@mail.ru

The article is devoted to the insufficiently investigated phenomenon in history of the Russian higher education – organization and activities of both scientific and practical students' circles and societies in late XIX – early XX. The research is carried out on the example of higher ecclesiastical school, that is, four ecclesiastical academies – of St.-Petersburg, Moscow, Kiev, Kazan – and is based on the extensive complex of sources of different genres. The author comes to conclusion, that the establishment of circles and societies was a natural phenomenon in the life of higher ecclesiastical school of late XIX – early XX century, and active participation in this movement of the students and of part of the teachers testified to their desire to introduce new forms developing the students intellectually or purposefully preparing them to the future church service. Another aspect of this phenomenon was an attempt of the teachers and church authorities to direct spontaneous excitation of the students into right channels headed by the teachers and controllable by the church authorities. This research is especially useful at the present stage of development of the higher education in Russia, when there is a creative search of new forms, methods, genres.

Key words: Russian higher education, students, Orthodox ecclesiastical academies, students' circles and societies.